

Содержание

Предисловие к русскому изданию	9
Предисловие и благодарности	13
1. Введение. Террор и Господь Бог	20
<i>Смысл религиозного терроризма</i>	22
<i>Культуры насилия: взгляд изнутри</i>	32

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КУЛЬТУРЫ НАСИЛИЯ

2. Христово воинство	42
<i>«Поборник» христианского мира Андерс Брейвик</i>	43
<i>Тимоти Маквей и подрыв федерального здания в Оклахома-Сити</i>	47
<i>Майкл Брей и взрывы в абортариях</i>	58
<i>Обоснования насилия в христианстве</i>	65
<i>Иан Пейсли и Смута в Белфасте</i>	76
3. Поруганный Сион	87
<i>Тень Меира Кахане — Меир Эттингер</i>	91
<i>Йозель Лернер и убийство Ицхака Рабина</i>	100
<i>Барух Гольдштейн и теракт в Пещере Патриархов</i>	109
4. «Забытый долг» мусульман	118
<i>Халиф ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади</i>	122
<i>Махмуд Абухалима и взрыв во Всемирном торговом центре</i>	131
<i>Абдель Азиз Рантиси и «живые бомбы» ХАМАС</i>	147
<i>Обоснования насилия в современном исламе</i>	162
5. Трезубец Шивы и меч сикхизма	171
<i>Майя Коднани и гуджаратская бойня</i>	173
<i>Симранджит Сингх и соблазн Халистана</i>	180
<i>Обоснования насилия в индуизме и сикхизме</i>	192

6. Обличья террора в буддизме	209
<i>Ашин Виратху и защита бирманского буддизма</i>	210
<i>Такеши Накамура и теракт «Аум Синрикё»</i>	217
<i>Можно ли обосновать буддийское насилие?</i>	228

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ЛОГИКА РЕЛИГИОЗНОГО НАСИЛИЯ

7. Театр террора	238
<i>Насилие как перформанс</i>	243
<i>Подготовка сцены</i>	251
<i>«Время убивать»</i>	264
<i>Работа с аудиторией</i>	275
8. Космическая война	286
<i>Грандиозные сценарии</i>	293
<i>Символическая война</i>	305
<i>Когда символы убивают</i>	314
9. Мученики и демоны	319
<i>Приносимые в жертву</i>	321
<i>Изобретение врагов</i>	333
<i>Вражеская Америка</i>	345
<i>Демонизация и стадии усиления</i>	351
10. Военская мощь	358
<i>Усиление для мужчин-маргиналов</i>	362
<i>Зачем пафки кидают бомбы</i>	374
<i>Битва за Царствие Божие</i>	397
11. Чего хочет Бог	412
<i>Усиление религии</i>	419
<i>Постмодерный террор</i>	431
<i>Как совладать с насилием</i>	438
<i>Исцеление политики религией</i>	457
Список интервью и корреспонденции	465
Избранная библиография	470
Указатель имен	490

1. Введение.

Террор и Господь Бог

15 ноября 2015 года шайка молодых бельгийцев и французов — выходцев из Северной Африки и с Ближнего Востока — проникла в Париж. Эта ночь обернется адским кошмаром. Некоторые из них начали сеять хаос на «Стад де Франс» — стадионе, где в тот день сошлись в товарищеском матче команды из Франции и Германии и где присутствовал сам президент Франсуа Олланд. Одного из нападавших задержали еще на входе, и он подорвал свою бомбу снаружи. Остальные один за другим врывались в кафе, убивая простых французов, вышедших насладиться прекрасным вечером. Кульминацией же трагедии стал захват «Батаклана» — располагавшегося в том же районе концертного зала, где вооруженные до зубов юные головорезы начали без разбору палить в толпу и кидать ручные гранаты. Когда на место бойни прибыли полицейские, число жертв этой ночи достигло 130 убитых, включая семерых нападавших, связанных, по некоторым сведениям, с ИГИЛ, и более 300 раненых.

Однако от этого нападения пострадали не только чьи-то жизни и вещи: оно поколебало уверенность, с какой видели мир большинство парижан и людей по всему миру, наблюдавших за ним по телевизору и в соцсетях. Как и в случае с другими терактами, окровавленные жертвы в новостях фигурировали на самом обычном фоне — в данном случае стадиона, концертного зала, уличных кафе посреди городского вечернего оживления, — так что все эти предназначенные для развлечений и обжитые места выглядели на фоне бойни как-то причудливо-неуместно. Многие видевшие эти картины сочли их символами угрозы их собственной обыденной жизни и косвенным образом

почувствовали тревогу — и ужас — тех, кто испытал ее первым. В конце концов, среди раненых мог быть любой, кто когда-нибудь бывал на стадионе, в концертном зале, сидел в кафе, — то есть в развитых странах почти кто угодно. В этом смысле целью нападения был не только Париж, но и нормальная жизнь, какой знает ее большинство из нас.

В точно таком же ужасе распрощались с невинностью 11 сентября 2001 года американцы, когда узнали из телевизора об атаке на Всемирный торговый центр (ВТЦ). Однако же несколько серий терактов они пережили еще в годы, которые непосредственно предшествовали разрушению ВТЦ: это спровоцированная этнической ненавистью стрельба в Калифорнии и Иллинойсе; нападения на посольства в Африке; взрывы в абортариях Алабамы и Джорджии; бомбовая атака на Олимпийских играх в Атланте, подрыв военно-жилого комплекса в Дахране, что в Саудовской Аравии; трагические последствия взрыва федерального здания в Оклахома-Сити; наконец, атака на тот же ВТЦ в 1993-м, ставшая зловещим предзнаменованием того ужаса, что настиг его через восемь лет. Все эти инциденты и множество других актов насилия, которые с тех пор ассоциировались с американскими религиозными экстремистами — как мусульманскими радикалами, так и воинствующими христианами, — заставили жителей США поддержать ту же нелегкую позицию, которую уже занял весь остальной мир. Глобальное общество должно все активнее противостоять религиозному насилию, и притом на ежедневной основе.

Еще до описанных событий в Париже французам пришлось столкнуться с атакой на редакцию сатирического журнала «Шарли Эбдо» и бомбами, заложенными в метро исламскими активистами из Алжира; британцы пережили джихадистские бомбовые атаки на подземку в Лондоне, а также подрывы грузовиков и автобусов ирландскими националистами-католиками; японцев в токийском метро травил нервно-паралитическим газом индуистско-буддийская секта. В Индии жители Дели страдали от рук сикхских и кашмирских сепаратистов, взрывавших автомобили,

и атак на здание парламента и отели в Мумбаи, совершенных активистами из числа мусульман; на Шри-Ланке районы Коломбо громились воинствующими тамилами и сингалами, а в Мьянме мусульманские части города опустошались негодующими буддийскими националистами. «Господня армия сопротивления» — экстремистская христианская группа во главе с Джозефом Кони — сеяла ужас в сельской Уганде; в Нигерии пролила реки крови «Боко Харам». Египтянам пришлось ужиться с атаками исламистских боевиков на кофейни и теплоходы, индонезийцы стали свидетелями взрывов в ночных клубах на Бали — дела рук активистов, присягнувших «Аль-Каиде»; из-за нападения, приписываемых сторонникам «Исламского фронта спасения», целые деревни потеряли алжирцы; израильяне и палестинцы столкнулись с убийствами, бывшими делом рук экстремистов-евреев и мусульман. Теракты, организованные воинствующими как суннитами, так и шиитами, вошли в уклад жизни в Пакистане и Сирии.

Все эти случаи не только относятся к одному и тому же времени, но и объединены двумя поразительными чертами. Во-первых, насилие — и даже изощренная жестокость — использовалось с расчетом на то, чтобы посеять ужас. И во-вторых, все они связаны так или иначе с религией.

Смысл религиозного терроризма

В собственную мою жизнь безумие религиозного насилия вторглось одним ранним утром в самый разгар иракского конфликта, когда я проснулся от оглушительного хлопка бомбы террориста-смертника, взорвавшего военную базу по ту сторону реки от моего отеля в Багдаде. Часом позже я шел по улице, где произошел взрыв: городская жизнь продолжалась там как ни в чем не бывало. Будучи в Северной Ирландии, из новостей я узнал о подрыве автомобиля, случившемся в том самом районе Белфаста, где я был за день до этого. На следующий день тем же образом разнесли несколько пабов и магазинов — по-видимому,

в знак протеста против заключенного в том году хрупкого мира. Такие шокирующие случаи, когда я был на волосок от гибели, повторялись и позже. Один из них случился в Израиле: террорист-смертник из боевого крыла ХАМАС — палестинского мусульманского политического движения — разнес на куски автобус рядом с Еврейским университетом на следующий день после того, как я туда заходил, вроде бы даже проехавшись тем же автобусом. Образы кратера от багдадского взрыва, изуродованных тел на иерусалимской улице и дотла сгоревшего паба напрямую и сразу же повлияли на то, как я видел мир.

Именно тогда я и понял, что именно в той или иной степени чувствует при виде последствий теракта каждый: в иной день и в другое время — возможно, что и не в этом автобусе — одним из разорванных тел могло быть ваше или мое. Однако, узнав из новостей о взрывах в Багдаде, Белфасте или Иерусалиме, я испытал отнюдь не облегчение, что остался цел, а чувство, что меня предали, что в мире, где существуют теракты, мою личную сохранность и безопасность — то, на чем основывается жизнь в обществе, — нельзя, вообще говоря, считать чем-то само собой разумеющимся.

В этом, как я полагаю, и есть вся суть: терроризм стремится посеять ужас. Само это слово происходит от латинского *terrere*, «повергать в трепет», и в политическом смысле — как посягательство на гражданский порядок — стало повсеместно употребляться в конце XVIII века во время якобинского террора в эпоху Французской революции. Исходя из этого, массовая реакция на террористическое насилие — тот самый «трепет» — заложена в самом термине. Посему вполне справедливо, что это мы — те, кого заставляют содрогнуться, а не те, кто его совершает, — и определяем, что есть теракт. Именно мы — или, что чаще, публичные фигуры и новостные СМИ — вешаем на акты насилия тот ярлык, который делает их терроризмом. Это показательные акты разрушения, лишённые отчетливой военной цели и вселяющие в людей страх.

Когда же мы обнаруживаем другую черту, которая нередко сопровождает эти публичные акты насилия, — обоснование их посредством религии, — этот страх переходит в ярость. Многим из нас представляется, что религия обязана нести мир и покой, а не ужас, — и все же именно она во множестве случаев послужила для террористов источником не только идеологии, но и социальной идентичности, и организационной структуры. Некоторые теракты совершают, конечно, и государственные должностные лица, когда с целью подчинить население раскручивают маховик «государственного терроризма». По своему числу жертвы развращенных властей оставляют жертв религиозно мотивированных терактов далеко позади: здесь на ум сразу приходят сталинские репрессии, поддержанные властями «эскадроны смерти» в Сальвадоре, учиненный красными кхмерами геноцид в Камбодже, этнические чистки в Боснии и Косово, развязанное правительством насилие между хуту и тутси в Центральной Африке. США обвиняли в терроризме за бесчинства военных кампаний в Афганистане и Ираке — да и в том, чтобы считать терактом погубивший сотни тысяч невинных людей сброс ядерных бомб на Хиросиму и Нагасаки в конце Второй мировой войны, тоже есть некоторый резон.

Вопреки всему этому, обычно термин «терроризм» резервируется за насилием со стороны обделенных властью и влиянием групп, которые отчаянно пытаются урвать себе кусок того или другого. Хотя у государств со всей их военной мощью возможностей для убийства больше, чем у подобных движений, их численность, беззаветная преданность своему делу и опасная непредсказуемость обеспечили им куда больше влияния, чем можно было вообразить при их скромных ресурсах. Цели некоторых из таких групп были чисто секулярными. Их могли вдохновлять левые идеологии, как в случае «Сияющего пути» или «Революционного движения имени Тупака Амару» в Перу и «Красной армии» в Японии, или идеи этнического или национального сепаратизма, как

баскских боевиков в Испании или курдских националистов в Турции.

Однако же намного чаще теракты были связаны с религией — нередко в комплекте с социальными, политическими или другими факторами. Изначально общее впечатление, что в последние десятилетия XX и в первые — XXI века мир захлестнула волна религиозного насилия, сложилось у тех, кто фиксирует подобные вещи по долгу службы. В 1980 году в реестре Госдепартамента США среди международных террористических групп едва ли числилась хоть одна религиозная организация. В конце же XX века — около двадцати лет спустя — с религией были так или иначе связаны более половины групп, среди которых были иудейские, мусульманские и буддийские¹. Если включить в этот список и прочие прибегающие к насилию религиозные группы со всего мира, в том числе христианские ополчения и другие военизированные организации, обильно представленные в самих США, количество религиозных террористических групп станет еще значительней. Согласно «Хронологии международного терроризма», которую корпорация RAND ведет совместно с Сент-Эндрюским университетом, в конце 1990-х процент религиозных групп вырос от шестнадцати из сорока девяти террористических групп до двадцати шести из пятидесяти шести по информации на следующий год². Поэтому терроризм по религиозным или этническим мотивам в правительстве США часто называют «важнейшим вызовом безопасности со времен „холодной войны“»³, как выразился один из его представителей.

Именно это странное взаимное притяжение между религией и насилием и составляет предмет настоящего исследования. Хотя некоторые наблюдатели и склонны полагать

1. Global Terror // Los Angeles Times. 1998, August 8: A16.
2. Hoffman B. Inside Terrorism. Columbia University Press, 1998. P. 91.
3. Christopher W. «Fighting Terrorism: Challenges for Peacemakers», address to the Washington Institute for Near East Policy. 1996, May 21. Цит. по: Christopher W. In the Stream of History: Shaping Foreign Policy for a New Era. Stanford University Press, 1998. P. 446.

их нынешнюю связь абберацией, продуктом политических идеологий или такой «мутантной» формы религии, как фундаментализм, я позволю себе с ними не согласиться. Вместо этого я предлагаю поискать объяснение в реалиях современной геополитики, которые усугубляются присутствующей в глубинах религиозного воображения насильственной жилкой. Религия, быть может, и не причина той ярости, которая по всему миру приводит к насилию, однако способна многократно эту ярость усилить.

Начиная с библейских войн и заканчивая авантюрами Крестовых походов и великими жертвами мучеников, насилие сопутствовало религии как ее тень, расцветившая самые мрачные и таинственные религиозные символы. Та власть над воображением, какой обладает религия, всегда оттенялась образами смерти. Вопрос «почему это так?» преследовал также и некоторых выдающихся ученых — среди прочих, Эмиля Дюркгейма, Марселя Мосса и Зигмунда Фрейда. Зачем религии насилие и насилию религия и почему некоторые верующие с такой охотой пользуются «божественным» правом на то, чтобы разрушать?

В последние годы, когда религиозное насилие объявилось вновь — и притом в форме, рассчитанной, чтобы провоцировать массовый ужас, — эти вопросы стали насущнее, чем когда-либо. Нынешние акты насилия зачастую обосновываются историческими прецедентами жестокого прошлого религии. Однако же в каждый исторический период порождавшие религиозное насилие совокупные механизмы имели свою специфику. Поэтому я сосредоточусь на кейсах религиозного насилия как в их собственном культурном контексте, так и в рамках характерных уже для нашего времени глобальных социальных и политических изменений.

Эта книга посвящена религиозному терроризму. В ней рассматриваются публичные акты насилия конца XX и первых десятилетий XXI века, чье обоснование, организация и идейная подоплека определялись религией. Я попытался проникнуть в сознание тех, кто эти акты

совершает или их одобряет. Моей целью было понять, почему они столь часто мотивированы религией и почему в нынешний момент истории их стало так много. Хотя я ни в коем случае не сочувствую тем, кто творил эти ужасные вещи, я стремлюсь понять их самих и то, как они видят мир, настолько, чтобы узнать, как они сами и их сторонники обосновывают свои действия с точки зрения морали.

Меня озадачивает не то, почему зло творят люди скверные, а почему его творят те, кого в иных обстоятельствах мы бы назвали «хорошими», — в случае с религиозным терроризмом это благочестивые верующие, искренне преданные моральному видению мира. Принимая во внимание обволакивающую их цели возвышенную риторику, кажется тем трагичнее, что направленные на их достижение акты насилия калечат и рушат столькие жизни — и не только тех, кого они затронули непосредственно, но и тех, кто наблюдал за ними даже издали.

Поскольку я стремлюсь понять порожденные этими актами насилия культурные контексты, акцент будет делаться скорее на связанных с ними идеях и поддерживающих «террористов» сообществах, чем на самих этих людях. Вообще говоря, с точки зрения целей настоящего исследования само слово «террорист» — чрезвычайно проблематичное. Одна из причин этого — что оно не дает провести отчетливое различие между теми, кто организует атаку, теми, кто ее совершает, и тем множеством людей, которые прямо или косвенно ее поддерживают. Следует ли полагать террористами их всех или только некоторых — и если так, то кого именно? Иная связанная с этим словом проблема заключается в том, что его можно навешивать на определенную породу людей, совершающих акты насилия «террористов», в качестве ярлыка. Предполагается, что террористы попросту одержимы террористической деятельностью и оправдывают свои злодеяния чем угодно — то религией, то какой-то идеологией. Исходя из подобной логики, получается, что терроризм существует потому, что есть

террористы, и стоит нам только от них избавиться, как мир сразу вздохнет с облечением.

Сколь ни соблазнительно такое решение, на самом деле граница между «террористами» и их сообщниками, которые «не-террористы», очень тонка. Кроме того, непонятно, является ли «террористом» некто, еще не приступивший к подготовке теракта. Хотя в любом обществе есть и социопаты, и те, кто получает от убийства садистское удовольствие, они редко оказываются вовлечены в умышленные публичные акции, которые мы связываем с терроризмом, и лишь немногие исследования по терроризму отправляются только от личных качеств. Работы по психологии терроризма имеют дело с психологией прежде всего социальной — в них изучается то, как люди реагируют на те или иные групповые ситуации, открывающие возможность для публичных актов насилия¹. Лично я не знаю ни одного исследования, в котором бы заявлялось, что люди могут быть террористами просто «по своей натуре». Хотя у отдельных вовлеченных в религиозный терроризм активистов и были психологические проблемы, остальные кажутся вполне нормальными и социально приспособленными, но попадают в специфические группы и перенимают крайние взгляды.

По большей части вовлеченные в религиозный терроризм люди похожи на доктора Баруха Гольдштейна, убившего более тридцати мусульман, когда те молились в Пещере Патриархов в Хевроне. Гольдштейн был врачом, вырос в семье среднего достатка в Бруклине и получил профильное образование в Медицинском колледже Альберта Эйнштейна в Бронксе. Приверженность радикальному сионизму привела его в Израиль в поселение Кирьят-Арба, но за долгие годы политической активности — он руководил предвыборной кампанией рабби Меира Кахана,

1. См., напр., доклады с организованной Международным научным центром имени Вудро Вильсона конференции по психологии терроризма: *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, States of Mind* / ed. Reich W. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Cambridge University Press, 1990.

когда тот избирался в местный парламент, — Гольдштейн не казался ни безумцем, ни негодяем. До хевронского нападения его самым громким политическим актом было письмо в редакцию *New York Times*¹. Если Гольдштейн и был «перверсивной личностью» с глубокими изъянами, которые всплыли в какой-то момент на поверхность и превратили его в террориста, нам о них ничего не известно. Известное нам говорит об обратном: по-видимому, он был достойным человеком, подобно своим «коллегам» из ХАМАС, охваченным беззаветной преданностью социальному идеалу своей общины. К столь отчаянному и трагическому поступку его подтолкнула убежденность, что этим идеалу и общине что-то угрожает. Он был, безусловно, заиклен на своих опасениях и даже одержим ими, но навешивать на Гольдштейна ярлык террориста еще до того, как он совершил свой чудовищный поступок, значило бы объявить, что он — террорист по натуре и что все его опасения — пустая клоунада. Судя по имеющимся свидетельствам, оба этих предположения ложны.

Исходя из этого, я использую термин «террорист» лишь изредка. В моем употреблении это аналог слова «убийца» и относится к кому-либо лишь после того, как человека признали виновным в совершении такого преступления либо в подготовке к нему. И даже в этом случае я обращаюсь к этому термину с осторожностью, поскольку технически какой-либо акт является «терроризмом» только для судей, если говорить о публичном пространстве — для СМИ, и уж точно «в глазах смотрящего». В старой фразе «Кто для одних — террорист, для других — борец за свободу» есть-таки доля истины. Маркировка чего-либо как терроризма является субъективным суждением относительно легитимности определенных актов насилия в той же мере, что и дескриптивным высказыванием на их счет.

Общаясь с воинствующими религиозными активистами и их сторонниками, я отметил, что те редко определяют

1. Барух Гольдштейн, письмо в редакцию *New York Times* (30 июня 1981 года).

действия своих группировок как терроризм. Некоторые говорили, что их следует называть скорее борцами, чем террористами. Осужденный за подрывы абортариев лютеранский пастор заявил мне, что не является террористом, потому что насилие само по себе никакого удовольствия ему не приносит. Насилие для него — лишь средство, и поэтому он, по его словам, всего лишь «защищал нерожденных младенцев»¹. Один из суннитских лидеров в том регионе Ирака, который позже перейдет под контроль ИГИЛ, говорил, что боевики из числа его соратников — это поборники веры. Обе стороны конфликта в Белфасте предпочитали называться «военизированными группами». Лидер сикхских сепаратистов в Индии говорил, что предпочитает термин «борец», а «террористами» теперь величают тех, кого раньше обзывали ведьмами, чтобы оправдать их преследование². В целом с такой позицией согласился и человек, повязанный с сетью «Аль-Каиды», сказав, что слово «террорист» — настолько избитое, что его можно употреблять только со множеством оговорок³. Эту позицию поддерживал и лидер движения ХАМАС, с которым я беседовал в Газе: теракты «живых бомб» он называл «операциями»⁴. Как и многие другие прибегавшие к насилию активисты, свою группировку он сравнивал с армией, планирующей оборонительные маневры и использующей насилие только в стратегических нуждах. Слова «террорист» или «терроризм» из его уст не прозвучали ни разу.

И это не просто вопрос семантики. Использование слова «террорист» для описания акта насилия зависит от того, считается ли он оправданным. Обращение к этому термину во многом зависит от мировоззрения говорящего: если

1. Интервью с преподобным Майклом Бреем (Боуи, штат Мэриленд, 25 апреля 1996 года).
2. Интервью с Соханом Сингхом (Мохали, Пенджаб, 3 августа 1996 года).
3. Интервью с Махмудом Абухалимой (тюрьма строгого режима Ломпок, штат Калифорния, 30 сентября 1997 года).
4. Интервью с доктором Абдель Азизом Рантиси (Хан-Юнис, Газа, 1 марта 1998 года).

в целом в мире все спокойно, акты насилия считаются терроризмом; когда же бушует война, акты насилия вполне легитимны. Они могут рассматриваться в качестве упреждающих ударов, оборонительных тактик или же символов того, что мир и вправду затянут в трясиину конфликта не на жизнь, а на смерть.

В большинстве рассмотренных в книге случаев для описания этого конфликта используется язык религии. Но что это меняет? Отличается ли насилие со стороны ХАМАС от насилия секулярных движений наподобие курдов? Вот в чем загвоздка: чем религиозный терроризм отличается от любого другого?

Как станет ясно дальше по тексту, какие-то отличия религия все-таки вносит. Некоторые из них бросаются в глаза сразу — скажем, обоснование актов насилия трансцендентной моралью или присущая им ритуальная интенсивность. Другие отличия глубже и проистекают из самого сердца религии. Знакомые нам религиозные образы противостояния и преображения — то есть понятия космической войны — прилагаются к посюсторонним социальным конфликтам. Следствием же того, что эти космические битвы переносятся в мир людей, становятся реальные акты насилия.

Отсюда возникает еще и другой вопрос: когда религия оправдывает насилие, используется ли она в политических целях? Вопрос этот не так прост, как может показаться вначале. Трудность здесь связана прежде всего с тем, что во множестве частей света — и особенно у религиозных националистов — религия вновь начала выступать как идеология общественного порядка, где религиозные элементы переплетены с политическими. Как будет видно из представленных в книге примеров, религия отнюдь не невинна, но и не всегда приводит к насилию. Это происходит лишь когда в результате совпадения ряда обстоятельств — политических, социальных и идеологических — она сплавляется с насильственными проявлениями общественных чаяний, личной гордыни и оппозиционных движений.

Поэтому вопрос о том, почему религиозный терроризм возник именно в данный момент истории, следует поместить в контекст, под которым я понимаю связанные с насилием исторические обстоятельства, социальные локусы и взгляды. Чтобы в них разобраться, мы обратимся не только к представлениям вовлеченных в акты насилия религиозных активистов, но и к сообществам их сторонников, а также к идеологиям, приверженцами коих они являются.

Культуры насилия: взгляд изнутри

Терроризм — почти никогда не одиночный акт. Когда братья Куаши напали на редакцию парижского сатирического журнала «Шарли Эбдо», множество их собратьев из числа алжирских иммигрантов сочли это заслуженной местью за то, что рассматривали как глумление над ними самими и их религией. Расстреливая молодежный лагерь, норвежец Андерс Брейвик воображал, что эту его попытку остановить мультикультурализм и распространение мусульманской культуры оценят едва ли не все расисты-христиане, — и кто-то из них, быть может, и оценил. Когда доктор Барух Гольдштейн заходил с автоматом в Пещеру Патриархов, то делал это с молчаливого одобрения его братьев-евреев из близлежащего поселения Кирыят-Арба. В Мьянме, когда разъяренные толпы буддистов врывались в мечети и торговые лавки своих соседей-мусульман, подстрекали их к этому воинственные монахи. Когда в городе Пенсакола, штат Флорида, преподобный Пол Хилл убил выстрелом из дробовика врача Джона Бриттона и его телохранителя у самых дверей клиники, определенные христианские круги агрессивных сторонников запрета абортотворцев со всех США горячо приветствовали его поступок. Когда Мохаммед Атта и его подельники из «Аль-Каиды» угнали в Бостоне коммерческие авиалайнеры, которые спустя некоторое время врезались в башни-близнецы Всемирного торгового центра и мгновенно обратили их в руины, то было частью хорошо согласованного плана, в котором

участвовали десятки их сообщников и сотни — а может, и тысячи — людей в США, Европе, Афганистане, Саудовской Аравии и так далее по всему миру.

Как показывают эти примеры, для успеха теракту нужны сторонники и, в некоторых случаях, разветвленная организационная сеть. Ему также требуется невероятная моральная убежденность самих нападающих, чтобы оправдать массовое разрушение материальных объектов или безжалостное посягательство на чужую жизнь — особенно тех, кто им незнаком и к кому они не питают никакой личной вражды. Не обойтись тут и без немалой внутренней убежденности, социального признания и одобрения со стороны легитимирующей идеологии или авторитетной личности. Вследствие того, что таким актам необходима моральная, идеологическая и организационная поддержка, они, как правило, готовятся сообща — как тот заговор, что привел к распылению нервно-паралитического газа в токийском метро, или тщательно спланированные бомбовые атаки ИГИЛ.

Даже если какие-то акты и похожи на самодеятельность отдельных энтузиастов, у них часто есть сетевая поддержка и идеологическое обоснование, хотя бы и не столь очевидные. Игаль Амир, убийца Ицхака Рабина, принадлежал к движению мессианского сионизма, широко представленного как в Израиле, так и за его пределами. За атакой братьев Царнаевых на финише Бостонского марафона стояла группа сторонников независимости Чечни от России. За Тимоти Маквеем, осужденным за подрыв федерального здания в Оклахома-Сити, была субкультура воинствующих христиан, сообщества которых рассеяны по всем США. За норвежским «поборником» христианства Андерсом Брейвиком, устроившим в 2011 году кошмарную бойню в молодежном лагере неподалеку от Осло, стояла европейская субкультура ненависти к мусульманским мигрантам¹. В 1993-м взрывы во Всемирном торговом центре изначально считались делом рук кучки сторонников

1. *Turrettini U.* The Mystery of the Lone Wolf Killer: Anders Behring Breivik and the Threat of Terror in Plain Sight. Pegasus, 2015.

незрячего египетского шейха; их обширные связи с «Аль-Каидой» — международной сетью исламских активистов по главе с Усамой бен Ладеном — обнаружались лишь позднее. Во всех этих случаях действия активистов поддерживали, по их мнению, не только другие люди, но и витающее в воздухе чувство, будто мир и так уже полон насилия, и объявшие его великие битвы морально оправдывают их собственные насильственные действия.

Ощущение, будто твоя община уже еле держится под градом ударов и что собственные твои действия являются лишь ответом на это насилие — один из существеннейших аспектов таких культур. В некоторых случаях это чувство с готовностью разделяют и сочувствующие извне движения — так, скажем, множество людей по всему миру считают переживание угнетенности со стороны палестинских мусульман хотя и прискорбной, но понятной реакцией на ситуацию политического контроля. В случае же, например, воображаемого угнетения воинствующих христиан или буддийского «Движения 969» в Мьянме, страхов, что полчища мусульман сотрут с лица земли чью-то культуру, или обвинений международных правительств и ООН в сговоре с целью кого-то закабалить большинство соглашается, что это параноидный бред. Прочие кейсы — связанные, например, с сикхскими боевиками в Индии, еврейскими поселенцами на Западном берегу, мусульманскими политиками в Алжире, воинствующими католиками и протестантами в Северной Ирландии и «антиабортниками» в США, — весьма противоречивы, и трезво мыслящие люди тут есть с обеих сторон. Во множестве случаев, таких как теракты ИГИЛ или «Аль-Каиды», конкретные политические конфликты перерастают в масштабную духовную брань.

Полагают ли это чувство угнетенности легитимным или нет аутсайдеры, оно безусловно легитимно для членов общины. Эти-то коллективные представления и подпитывают культуры насилия, расцветшие сейчас по всему миру — в группах еврейских националистов от Кирият-Арба до Бруклина, где постоянно мусолится тема защиты

Израиля, в горных поселках Айдахо и Монтаны, чьи жители, воинствующие христиане, считают, что их религиозным и личным свободам угрожает невероятных масштабов правительственный заговор, и — повсеместно — в набожных мусульманских общинах, которые полагают ислам осажденным современным обществом с его секуляризмом. В некоторых случаях при большой географической протяженности число принадлежащих к этим культурам людей крайне невелико: не следует забывать, что, например, культура насилия, которую представляет ХАМАС, не охватывает ни всех палестинцев, ни всех мусульман, ни даже всех палестинских мусульман; точно так же лишь незначительная часть евреев и христиан в мире поддерживает еврейский экстремизм или воинствующее христианство. И все-таки место вооруженной борьбы находится в каждой из этих религиозных традиций.

Вместо того чтобы говорить о «культурах» насилия, я мог бы описывать эти группы через понятия террористических «сообществ» или «идеологий», однако термин «культура» мне нравится тем, что охватывает оба измерения терактов — идейное и социальное. Нет нужды добавлять, что я трактую это понятие шире, чем эстетический продукт жизнедеятельности общества¹, включая в него также этические и общественные ценности, определяющие жизнь отдельно взятой социальной ячейки. Задав целью постичь эти культуры насилия, я поставил перед собою задачу проникнуть в мировоззрение к ним частных и прикоснуться к тому, как террористы мыслят.

1. Я осознаю, что используемая мною фраза «культуры насилия» кому-то может напомнить термин «культуры бедности», предложенный в 1960-х Оскаром Льюисом и другими антропологами для описания настроений, царивших в латиноамериканских баррио и афроамериканских гетто в США. Льюиса обвиняли в том, что представленный им статичный набор ценностей, сложившихся в этих отчаянных условиях, с одной стороны, оправдывал кучу интеллектуальных и моральных изъянов вышедших из этих культур людей, с другой же — предполагал, что им уже ничем не помочь. Мое понятие «культур насилия» этого не предполагает.

Такой подход к исследованию культур насилия можно определить как «эпистемический анализ мировоззрения» — это понятие выработали в ходе бесед о методологии я и моя коллега Мона Канвал Шейх, бравшая интервью у членов пакистанского «Талибана»¹. Этот термин привлекает нас тем, что охватывает идею «эпистемы» в смысле Мишеля Фуко — то есть мировоззрения или парадигмы мышления, «определяющей условия возможности любого знания»². Оно включает также и представление о совокупности укорененных в обществе идей о самом обществе — то, что Пьер Бурдьё называет «габитусом» и определяет как «социально сконструированную систему когнитивных и мотивационных структур»³. Именно этот культурный базис Клиффорд Гирц описывал как «культурную систему» того или иного народа: это паттерны мысли, мировоззрения и смыслы, привязанные к деятельности общества. По его мнению, такие культурные системы включают как секулярные идеологии, так и религии⁴.

Используемый мной культуральный подход к исследованию терроризма имеет как преимущества, так и свои недостатки. Позволяя детальней рассматривать специфические мировоззрения и моральные обоснования каждой группы, он уделяет меньше внимания политической работе лидеров этих движений и международным активистским сетям. Относительно этих аспектов терроризма я полагаюсь на другие работы, в том числе на исчерпывающие исследования «Терроризм» Вальтера Лакёра

1. Подробнее об идее эпистемического анализа мировоззрения и более широко повороте к социотеологии в социальных науках см. нашу статью: *Juergensmeyer M., Kanwal Sheikh M.* A Sociotheological Approach to Understanding Religious Violence // eds. *Juergensmeyer M., Kitts M., Jerryson M.* The Oxford Handbook of Religion and Violence. Oxford University Press, 2013. P. 620–643.
2. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 195.
3. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice. Cambridge University Press, 1977. P. 95.
4. См. главы «Идеология как культурная система» и «Религия как культурная система» в сборнике: *Гирц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. С. 225–267, 104–148.

и «Внутри терроризма» Брюса Хоффмана, охватывающие как исторические, как и современные прецеденты¹; работы Вальтера Райха и Джеррольда Поста по социальной психологии терроризма²; политическую аналитику — например, «Чего хочет террорист» Луизы Ричардсон, работу Марты Креншоу о структуре террористических организаций в Алжире и тексты Петера Меркля о левацком терроризме в Германии³; и наконец, вклад Пола Уилкинсона и Брайана Дженкинса в анализ терроризма как инструмента политической стратегии⁴.

Данные работы позволяют другим ученым сосредоточиться на разработке культурального подхода к анализу террористических движений и попытаться воссоздать мировоззрение террористов изнутри — то, что я обозначил как «эпистемический анализ мировоззрения». Сегодня в рамках этого направления представлен уже целый ряд важных работ в формате кейс-стади: это анализ движения христианских реконструкционистов (Джулия Ингерсолл) или движения христианской идентичности (Джеймс Аго), ирландских боевиков (Мартин Диллон),

1. *Laqueur W.* Terrorism. Little, Brown, 1977; переработанное издание: *Laqueur W.* The Age of Terrorism. Little, Brown, 1987; *Hoffman B.* Inside Terrorism. См. также: *Dietze C., Verhoeffen C.* The Oxford Handbook of the History of Terrorism. Oxford University Press, 2016; и *Schmid A.* The Routledge Handbook of Terrorism Research. Routledge, 2011.
2. . Origins of Terrorism / ed. *Reich W; Robins Robert S., Post J.* Political Paranoia: The Psychopolitics of Hatred. Yale University Press, 1997.
3. *Richardson L.* What Terrorists Want: Understanding the Enemy, Containing the Threat. Random House, 2007; *Crenshaw M.* Revolutionary Terrorism: The FLN in Algeria, 1954–1962. Hoover Institution, 1978; *Merkel Peter H.* West German Left-Wing Terrorism // Terrorism in Context / ed. *Crenshaw M.* Pennsylvania State University Press, 1995. P. 73–97. См. также статью Креншоу об инструментальном и организационном подходах к изучению терроризма: *Crenshaw M.* Theories of Terrorism: Instrumental and Organizational Approaches // *Rapoport David C.* Inside Terrorist Organizations. Columbia University Press, 1998. P. 13–31.
4. *Wilkinson P.* Political Terrorism. Macmillan, 1974; *Jenkins B.* International Terrorism: Trends and Potentialities. RAND Corporation, 1978. См. также: Contemporary Research on Terrorism / eds. *Wilkinson P., Stewart A.M.* Aberdeen University Press, 1978; *Hoffman B.* An Agenda for Research on Terrorism and LIC [Low-Intensity Conflict] in the 1990s. RAND Corporation, 1991.

воинствующих сикхов (Синтия К. Махмуд), еврейских активистов (Эхуд Шпринцак), террористов-смертников ХАМАС (Пол Штайнберг и Анн-Мари Оливер) и пакистанских талибов (Мона К. Шейх)¹. Благодаря этим и прочим работам, вкупе с моими собственными эмпирическими исследованиями и любопытными репортажами международных журналистов, и могла появиться книга, которую вы держите в руках: сравнительный культуральный анализ религиозного терроризма.

Начинается она с частного рассмотрения религиозных активистов, которые обращались к насилию сами либо его оправдывали. Первая половина работы посвящена недавним терактам, связанным почти что со всеми основными религиозными традициями: здесь есть главы о христианах в Европе, боровшихся с мусульманскими мигрантами, и в США — те поддерживали подрывы абортариев или уничтожение федерального здания в Оклахома-Сити; католиках и протестантах, одобрявших теракты в Северной Ирландии; мусульманах, связанных с ИГИЛ, в Ираке и Сирии, атаками «Аль-Каиды» на ВТЦ в Нью-Йорке и ХАМАС на Ближнем Востоке; иудеях, одобрявших гонения на палестинцев, убийство премьера Ицхака Рабина и атаку на Пещеру Патриархов в Хевроне; индусах, связанных с нападениями на мусульман в индийском штате Гуджарат, и сикхах, стоявших за убийством главного

1. *Ingersoll J.* Building God's Kingdom: Inside the World of Christian Reconstruction. Oxford University Press, 2015; *Aho J.* The Politics of Righteousness: Idaho Christian Patriotism. University of Washington Press, 1990; *Dillon M.* God and the Gun: The Church and Irish Terrorism. Routledge, 1997; *Mahmood Cynthia K.* Fighting for Faith and Nation: Dialogues with Sikh Militants. University of Pennsylvania Press, 1997; *Sprinzak E.* The Ascendance of Israel's Radical Right. Oxford University Press, 1991; *Oliver A.-M., Steinberg P.* The Road to Martyrs' Square: A Journey into the World of the Suicide Bomber. Oxford University Press, 2005; и *Kanwal Sheikh M.* Guardians of God: Understanding the Religious Violence of the Pakistan Taliban. Oxford University Press, 2016. См. также статьи в сборнике *Entering Religious Minds: The Social Study of Worldviews* / eds. *Juergensmeyer M., Kanwal Sheikh M.* Routledge, 2019; и мою статью: *Juergensmeyer M.* Entering the Mindset of Violent Religious Activists // *Religions*. 2015. No. 6 (3). P. 852–859.

министра Пенджаба Беанта Сингха и премьер-министра Индиры Ганди; воинствующих буддистах, насилии против мусульман в Юго-Восточной Азии и пуске нервно-паралитического газа в токийском метро.

Поскольку все эти кейсы затрагивают не только тех, кто вовлечен в теракты непосредственно, но и мировоззрения культур насилия, которые их обусловили, я провел интервью с некоторым количеством связанных с этими культурами людей. В последующих главах я решил сделать акцент на нескольких. В ряде случаев я ссылался на признанных лидеров политических организаций, в числе которых Ашин Виратху, Абдель Азиз Рантиси, Том Хартли и Симранджит Сингх Манн. В иных случаях я выбирал открытых активистов, осужденных за связанные с насилием преступления, — таковы Махмуд Абухалима, Майкл Брей и Йозель Лернер. Иногда я обращался к представителям низших эшелонов активистских движений, таким как Такеши Накамура и Йохай Рон, и жертвам насилия — например, пострадавшим от ИГИЛ беженцев в Курдистане и Ираке или пережившим бомбовые атаки палестинцам на Западном берегу. Интервью, которые я решил представить в деталях, таким образом, довольно разнообразны, но в каждом из этих случаев, как мне кажется, они наилучшим образом отражают мировоззрения культур насилия, к которым принадлежат информанты.

Вторую часть книги я посвятил закономерностям — той общей логике, что прослеживается в культурах насилия, описанных в первой части. Здесь я пытаюсь объяснить, почему и как именно связаны меж собой религия и насилие. В главе 7 я рассказываю, почему акты религиозного терроризма направлены к достижению не только стратегических, но и символических целей. В главах 8 и 9 — описываю, как субъекты религиозного насилия увязывают образы космической борьбы с посюсторонним политическим конфликтом, и объясняю поэтапное развитие процессов демонизации и символического усиления. Глава 10 посвящена тому, как религиозное насилие сообщает

страдающим от отчуждения индивидам, маргинальным группам и вдохновенным идеологам ощущение силы.

В заключительной главе я возвращаюсь к вопросам, связанным с религией прямо: почему люди верят, что Господь Бог может санкционировать терроризм, почему религия сегодня возвращается к нам в столь кровавом обличье и что мы можем тут сделать — если вообще что-то можем. Отправляясь от выводов, сделанных в ходе анализа религиозного терроризма, я предлагаю пять сценариев того, как насилие может сойти на нет.

Если мы хотим ответить на вызовы религиозного терроризма эффективно и так, чтобы не преумножать насилие, нужно, как мне кажется, осознать, почему именно происходят теракты. Этой практической задаче, стоявшей предо мною при написании книги, подлежит, однако, попытка понять ту роль, какую насилие всегда играло в религиозном воображении, и как можно помыслить Бога насылающим ужас — то есть террор.

Эти две цели взаимосвязаны. Один из сделанных мною выводов таков, что для религии со всеми ее образами и идеями нынешний исторический момент глобальной трансформации оказался благоприятным для возвращения в качестве публичной силы. В тени же религиозных нестроений и возможностей для возрождения религии в политической сфере скрываются, как я полагаю, едва ли не повсеместное обесценивание светских источников авторитета и потребность в альтернативных идеологиях общественного порядка. В этом, возможно, и состоит исторический парадокс, наглядно представленный в нынешних терактах: ответы на вопросы о том, почему современный мир по-прежнему нуждается в религии и почему он содрогается от публичных актов насилия, — это один и тот же ответ.